

П. А. Савченко

Понятие социального капитала у П. Бурдьё: трудности в интерпретации

*P. A. Savchenko. The Concept of Social Capital in the Works of P. Bourdieu:
Interpretation Issues*

В статье предпринимается попытка обозначить место работ П. Бурдьё в литературе по теории социального капитала. Автор приходит к выводу о том, что попытки встроить теорию П. Бурдьё в литературу по теории социального капитала, предпринимаемые в первую очередь в американской социологии, имеют неоднозначные теоретические основания. Рассмотрены причины, по которым рецепция трудов П. Бурдьё могла сложиться именно таким образом. Выделены три основных причины: 1) избирательное прочтение другими авторами; 2) запутанный порядок выхода работ на английском; 3) место выхода, а именно конкретные издания, в которых работы были изначально опубликованы.

Ключевые слова: социальный капитал, проблемы интерпретации, рецепция Бурдьё, теория социального капитала в американской социологии, мейнстрим социологической теории.

Контактные данные: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; (911) 723-90-69; e-mail: st065251@student.spbu.ru.

This article is an attempt to indicate a place that works of P. Bourdieu occupy in the current literature on the social capital theory. The main conclusion is that attempts to integrate P. Bourdieu into the current social capital theory literature mostly initiated by American sociologists are questionable in terms of their theoretical grounds. Reasons for such a reception are analysed. Three main reasons listed are: 1) selective reading on the side other authors; 2) puzzling order of publications in English; 3) particular journals and/or edited volumes in which the works of Bourdieu were initially published in English.

Keywords: social capital, problems of interpretation, Bourdieu's reception, social capital theory in American sociology, mainstream sociological theory.

Contact Details: Smol'nogo Str. 1/3, the 9th entrance, St. Petersburg, Russian Federation, 191124; (911) 723-90-69; e-mail: st065251@student.spbu.ru.

Понятие социального капитала, получившее в последние два десятилетия широкое распространение в литературе, не было изобретено П. Бурдьё. Однако, благодаря ему, о социальном капитале узнали практически все (по крайней мере, в европейской социологии).

Тем не менее сегодняшнее использование категории социального капитала вышло далеко за пределы бурдианской социологии. В настоящее время социальный капитал активно задействуется вне связи с прочими формами капитала и иными важными для Бурдьё теоретическими положениями. Более того, в англоязычной литературе сформировалось устойчивое выражение “social capital theory”, т. е. социальный капитал теперь (особенно в США) претендует на то, чтобы вокруг него образовалась целая теория. Если так, то возникает ряд вопросов. В частности, на каком основании она будет строиться или уже построена? Какое

Павел Александрович Савченко — аспирант кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

© Савченко П. А., 2020

место в ней может занять Бурдьё, если его в принципе можно поместить в подобный контекст? В связи с этим отметим, что цель данной статьи — проанализировать, каким образом теоретическое наследие Бурдьё используется авторами работ о теории социального капитала сегодня.

Теория капиталов Бурдьё, кажется, хорошо известна большинству социологов, хотя бы в переводе на русский или английский, но без краткого изложения ключевых ее аспектов в статье не обойтись. Капитал (вернее, разные формы капиталов) не существуют у Бурдьё сами по себе в социальном «вакууме». Они интегрированы в общую теоретическую схему Бурдьё, которую он представлял в виде простого уравнения: (габитус $\times$ капитал) + поле = практики [1, р. 101]. Простота эта, очевидно, лишь кажущаяся, потому что искать строгий математический смысл не стоит. Капитал не умножается буквально на габитус.

В данном случае Бурдьё имеет в виду невозможность рассмотрения одного в отрыве от другого. Габитус служит порождающей логикой, но не определяет полностью позицию актора в поле. От габитуса во многом зависит первоначальное накопление капиталов, которое начинается еще до того, как актор вступает в «игру». Для этого Бурдьё делил габитус на первичный и вторичный [2, р. 13], поскольку место рождения, социальное положение родителей и множество других характеристик уже оказывают влияние на формирование капиталов задолго до того, как актор начинает предпринимать для этого какие-либо самостоятельные усилия. Таким образом, нет собственно габитуса и собственно капиталов. Вернее, в отрыве друг от друга их рассмотрение малоосмысленно.

Необходимо рассматривать составной элемент «габитус-капитал» как единое целое. Аналогично «произведение» капитала на габитус не суммируется с полем. В действительности речь идет о напряжении, существующем между полем и составным элементом «габитус-капитал». Поле оказывает свое структурирующее воздействие. Ставки, правила игры и интересы внутри поля предзаданы, они сложились в результате предыдущих взаимодействий. При этом акторы имеют определенную свободу действий внутри поля, что может привести к корректировке правил, ставок и тому подобного в результате изменившегося соотношения сил.

Поле — своеобразная площадка взаимодействия, которая, однако, имеет важные для происходящей внутри «игры» свойства. Невозможно действовать внутри поля, игнорируя его. Вернее, поле и не даст вам себя игнорировать. Подобно тому, как команды «Формулы-1» подбирают резину под погоду и состояние асфальта или техники в биатлоне подбирают смазку под условия на трассе, акторы внутри поля должны считаться с его основополагающими свойствами, правилами и установками. Наконец, производство практик не является сутью и смыслом всего происходящего, но практики — продукт напряжения, существующего между полем и габитусом-капиталом. Практика — не просто действие и не только социальное действие в веберовском смысле. Да, практика направлена вовне, на другого, но практика — импровизация актора, возможная внутри того или иного поля исходя из его позиции в нем, локализованная в пространстве и времени. Практика обусловлена одновременно балансом сил внутри поля, положением актора в поле и габитусом актора. Итак, практика берет в расчет не только текущую ситуацию, но и историю взаимодействий (что можно сделать здесь и сейчас, что можно сделать вообще и что я могу сделать здесь и сейчас).

Ранее нами упомянуто о разных формах капиталов. Бурдьё выделял три основные формы: экономический, социальный и культурный [3]. Если в определении экономического капитала Бурдьё мало отходит от традиций экономической науки, то две другие формы требуют пояснения. Культурный капитал наиболее

сложен для понимания, поскольку имеет три состояния: инкорпорированное, институционализированное и объективированное. Инкорпорированное состояние — культурный капитал индивида, его знания, компетенции, манеры. Это то, что примерно мы могли бы назвать общим культурным уровнем человека. Именно поэтому сюда входят не только собственно знания, но и манеры. Недостаточно знать много об искусстве, нужно еще и уметь говорить о нем, понимать, где и с кем такие разговоры уместны и имеют смысл. Объективированное состояние — это совокупность материальных объектов культуры и науки (книги, картины, фильмы и т. д.), т. е. именно объекты культуры, которые, впрочем, не существуют в качестве таковых отдельно от акторов, которые создают и оценивают эти объекты.

Следовательно, стоимость картины или ценность книги не равна сумме затраченных на ее производство материалов и времени автора. Наконец, институционализированное состояние представляет собой формально выраженное признание культурного капитала индивида со стороны определенной организации (диплом об образовании, грамота, сертификат). В этом состоянии культурный капитал принадлежит одновременно и обладателю официального подтверждения, и выдающему это подтверждение. Вместе с тем такое состояние капитала связано и с объективированным состоянием. Например, награды фильму на фестивале, с одной стороны, подчеркивают свойства фильма, которые оценило жюри, но также выделяют и его создателей. Обе стороны (жюри и награждаемые) взаимно усиливают свой культурный капитал. Для фильма почетно получить «берлинского медведя», а высокий уровень картины подчеркивает уровень профессионализма жюри.

Третья форма, которая более всего нас интересует в контексте темы исследования, — социальный капитал, который по Бурдье «представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала [collectively-owned capital], «репутации» [credential], позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова» [3, с. 66]. Очевидно, что признание, как и членство в группе, связано с габитусом и объемом прочих форм капитала, т. е. накопление социального капитала связано с определенными вложениями (в том числе, возможно, денежными). Как и в целом у Бурдье, в данном случае понятно, что ни одна форма капитала не существует вне связи с другой, разные формы существуют в постоянном переплетении и взаимодействии друг с другом. Позднее Бурдье обозначил в качестве еще одной формы символический капитал, который не является самостоятельной формой капитала. Символический капитал служит, скорее, чем-то вроде инструмента обмена для трех прочих форм капитала. Объем символического капитала зависит от признания и одобрения обладания другими формами, т. е. любой капитал, включая финансовый, может функционировать как символический капитал, если он опознается и признается важным акторами внутри поля.

В развернутой форме Бурдье опубликовал статью о формах капитала в 1983 г. на немецком, в 1986 г. она появилась в английском переводе. Но первые идеи заявлены на французском еще в 1980 г., и при этом Бурдье использовал термин «социальный капитал» [4; 5; 6]. Можно утверждать, что со второй половины 1980-х гг. у концепции социального капитала началась самостоятельная жизнь. Связана она была, однако, не только и не столько с именем Бурдье. Во всяком случае, так обстоят дела в американской социологии, где статус отца-основателя

теории социального капитала прочно закрепился за Дж. Коулманом, известным социологом образования и апологетом теории рационального выбора в социологии.

В своих работах по социальному капиталу [7; 8] Коулман не цитирует Бурдьё. Не известно, был ли он знаком с работами последнего, посвященными социальному капиталу, до того, как написать свою статью. С уверенностью можно говорить о том, что они встречались позднее, поскольку есть как минимум пример их совместной работы [9].

Коулман идет от американской традиции, как экономической, так и социологической, отталкиваясь во многом от идеи «укорененности» экономических действий М. Грановеттера. Коулман не дает точного определения социального капитала. Вместо этого он трактует социальный капитал как набор сущностей, являющихся частью социальной структуры, некий набор ресурсов, доступных, но не принадлежащих индивиду, которым он может воспользоваться для достижения какой-либо цели [8]. Помимо функции упрощения разного рода взаимодействий, Коулман отмечал и нормативно-санкционную роль социального капитала, его важность при обмене информацией, а также его важность в структурах взаимных обязательств, реципрокности и доверия. Эти функции социального капитала и должны прояснить суть понятия, «подобно тому, как концепция «стула» определяет некую совокупность физических объектов по их применению».

Вероятно, такое широкое толкование дало последующим авторам возможность вольготно обращаться с понятием социального капитала. От Коулмана логически идут две ветви литературы по социальному капиталу — исключительно социологическая, которую представляют, в частности, А. Портес и Н. Лин, и политологическая, которая известна нам по именам Р. Патнэма и Ф. Фукуямы. Если представители первой ветви признают важность теории Бурдьё, многократно ссылаясь на него в публикациях и давая обстоятельный разбор [10; 11], то политологическое крыло, если и упоминает Бурдьё, то лишь вскользь, в ряду прочих авторов, таких как Дж. Джейкобс или Г. Лури. Фукуяма, например, многократно обращается к социальному капиталу в известной работе о доверии [12], однако, не упоминает в ней Бурдьё. Даже в его специальном труде, посвященном социальному капиталу [13], нет ни одного упоминания о французском классике. Между тем даже ветвь, условно обозначенная нами как социологическая, провоцирует с построениями Бурдьё хитрый трюк. Представители этой ветви не просто помещают его в один ряд с другими авторами, писавшими о социальном капитале, а превращают его теорию о формах капиталов в вариант *теории* социального капитала. Если у Бурдьё социальный капитал — одна из форм, плотно переплетенных с прочими формами капиталов, и составляющая часть большого механизма социального воспроизводства, то у его англоязычных интерпретаторов теория лишается своего широко контекста и встраивается (не сама по себе, а стараниями авторов) в американскую волну «социальных капиталистов». Тем самым Бурдьё стал частью некой генеалогии, следующей от де Токвиля к Патнэму через Дж. Джейкобс.

На вопрос о причинах такого рода рецепции анализируемой части наследия Бурдьё в американской социологии однозначных ответов нет, но можно выдвинуть несколько предположений. Конечно, не стоит демонизировать американских авторов. Бурдьё, что показано во многих современных исследованиях, не придумал самостоятельно понятие «социальный капитал». Оно известно как минимум с начала XX в., а идея возможности использования социальных связей для получения разного рода выгод не нова не то что для социологии, но даже и для здравого смысла. Тем не менее именно Бурдьё глубоко разработал и содержание понятия «социальный капитал», и целую теорию с несколькими взаимосвязанными

формами капиталов, которые не существуют сами по себе в неопределенном пространстве, а встроены в более общую социальную схему.

Вместе с тем американская традиция начала складываться еще до Бурдье. Можно, конечно, утверждать, что Бурдье начал разрабатывать идеи о роли разных капиталов уже в «Набросках теории практик» [14], где он свободно пользуется понятиями «культурный» и «символический» капитал, и даже периодически упоминает и собственно социальный, хоть и не дает в отношении него дополнительных объяснений. Впрочем, четкое определение и не обязательно, поскольку ход мысли Бурдье ясен: «Вот почему все [рыночные] стратегии крестьян направлены на минимизацию риска, который предполагается в силу непредсказуемости исхода, за счет трансформации обезличенных отношений коммерческих транзакций, у которых нет ни прошлого, ни будущего, в длящиеся отношения реципрокности: прибегая к услугам свидетелей, поручителей и посредников, они могут вновь и вновь устанавливать функциональный эквивалент традиционных отношений между сторонами сделки» [14, р. 186].

Может быть, эта очевидность не реальна, а проецируются нами, исходя из знания о том, что писал поздний Бурдье. Взглянуть на данную ситуацию глазами человека, не читавшего Бурдье, уже вряд ли получится. Англоязычный перевод «Набросков» вышел в 1977 г. (по ироничному совпадению в том же году, что и книга Лури), так что время для ознакомления у англоязычного читателя было, хотя бы в теории. Тем не менее мгновенного встраивания Бурдье в американскую социологию не случилось. Возможно, причиной послужило то, что у американцев уже существовала своя традиция. Полноценная теория отсутствовала, это были разрозненные куски разных сочинений, которые еще только предстояло связать в теорию. Сделать это, однако, на основе американских авторов было, вероятно, все же проще, чем пытаться подладить «неудобного» Бурдье, у которого за одним понятием тянулся еще целый концептуальный ворох.

Наверное, поэтому идеи Бурдье оказались в парадоксальной ситуации: не признать его влияние невозможно (если только речь не идет о работах Ф. Фукуямы, который успешно справился с задачей). Но и пытаться впрячь в одну телегу «коня и трепетную лань» через синтез теории Бурдье и работ о социальном капитале других авторов также было затруднительно. Полагаем, что могучее письмо Бурдье подмяло бы под себя все прочие построения. Не следует забывать о том, что Коулман, говоря о социальном капитале, в первую очередь, не отрицая возможности более широкого применения, интересовался его влиянием на образовательные успехи подростков. Грановеттер, ставший источником вдохновения для Коулмана, интересовался силой слабых связей преимущественно в контексте экономического взаимодействия. Проще говоря, никто из них не имел прицела на большую теорию или универсальное объяснение. Американские авторы взяли то, что ложилось в общую канву литературы по социальному капиталу и отбросили «ненужное».

Фрагментарное прочтение и избирательное применение находок Бурдье может быть связано и с тем, как Бурдье выходил по-английски. Л. Вакан [15] отмечает это в своем эссе о восприятии публикаций Бурдье в Америке. Англоязычные переводы выходили отдельными изданиями в разное время, часто с нарушением хронологического порядка выхода оригиналов, что периодически приводило к тому, что отдельные авторы заново «изобретали» Бурдье или пытались спорить с утверждениями, которые Бурдье давно отверг или оспорил в других книгах, не вышедших на английском. Если добавить к этому еще и витиеватость авторского стиля самого по себе, то картина выходит не самая радостная.

Помимо того, как и когда выходили работы Бурдьё по-английски, я бы еще обратил внимание на то, где они выходили. Изначальная короткая, на две страницы, публикация из *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*, посвященная социальному капиталу, на английский переведена не была. Работа о формах капитала вышла изначально по-немецки, а на английском впервые появилась в справочнике по теории и исследованиям по социологии образования. Факт может показаться малозначительным, если не посмотреть на то, в каких работах эта статья цитировалась в первые пять–шесть лет (по данным *Google Scholar*). Несложно заметить, что, за вычетом работ Бурдьё и Л. Вакана (его ученика), на 80–90 % представлены статьи и монографии именно по социологии образования. Факт удивителен, но от этого не перестает быть правдивым.

Безусловно, позднее работу заметили (сегодня у нее почти 40 тыс. цитирований), но есть ощущение, что момент был упущен. Работу Коулмана с момента выхода по 1995 г. процитировали более 350 раз. Бурдьё же за период с 1986 по 1995 г. процитировали только 124 раза. Бросается в глаза и разнообразие тем и дисциплин, которые пожелали позаимствовать идею Коулмана. В частности, представлена экономика, криминалистика, демография, психология, менеджмент. Социальные ученые применяли его концепцию к изучению семьи, мигрантов, фирм. Возможно, американцы больше любят Коулмана или предпочитают читать авторов, чьим родным языком является английский. Предположение простое, но не очень изящное.

Важно вновь обратить внимание на место публикации, т. е. престижный до сих пор *American Journal of Sociology*. Даже не у самой выдающейся публикации средней известности автора в таком журнале шансов быть увиденной и прочитанной больше, чем у работы, опубликованной в каком-то сборнике, пусть и за авторством именитого академика. Понятно, однако, что Коулман по состоянию на 1988 г. был для американской социологии известным и уважаемым социальным исследователем, имеющим за плечами более 30 лет опыта академической работы. Не стоит утверждать, что у статьи Бурдьё не было шансов быть прочитанной, но силы явно были не равны: известный американский академик в ведущем общесоциологическом журнале против пусть и важного, но все же еще не имеющего однозначной репутации в американской литературе француза в узкопрофильной книге справочного характера.

Таким образом, Бурдьё, будучи помещенным в один ряд с прочими, оказался в американской традиции, скорее, одним из плеяды авторов, нежели важной фигурой. С уверенностью можно утверждать, что несмотря на неиссякающий поток цитирований, американскую литературу по социальному капиталу невозможно считать логическим развитием идей французского классика. Для авторов вроде Фукуямы [12] или Патнэма [16] социальный капитал — аналог клея или смазки для процессов в обществе. Да и Коулман во главу угла ставил те функции социального капитала, которые упрощали взаимодействие, улучшали ток информации, усиливали сплоченность. Капиталы у Бурдьё — это не клей, не лубрикант и не волшебная палочка. В его теории акторы используют наличный объем капиталов в процессе борьбы за переопределение позиции в поле, в конкурентном противостоянии лидеров и претендентов. У мейнстримных американских авторов социальный капитал сплачивает индивидов, организации, сообщества, а у Бурдьё он если и не разобщает, то точно способствует неослабевающему противостоянию.

Не станем утверждать, что авторы, сравнивающие определение социального капитала у Бурдьё и находящие сходства и различия между ним и другими авторами, писавшими о социальном капитале, от начала и до конца не правы. Разумеется, определение социального капитала у Бурдьё таково, что точки со-

прикосновения с кем-то из многочисленных авторов найдутся. Бурдьё выделяет социальный капитал как отдельную форму капитала. Но один этот факт не дает возможности отделить его не только от теории социального воспроизводства Бурдьё вообще, но даже и от теории капиталов в отдельности. Для Бурдьё нет отдельно существующего социального капитала, как и нет отдельно существующих, висящих «в воздухе» капиталов. Всякий актор располагает некой суммой капиталов, привязанной к габитусу. Можно взять и оторвать от всего этого социальный капитал, но в таком случае мы разбираем уже не теорию Бурдьё, а какие-то собственные соображения о его теории, имеющие к первоисточнику лишь опосредованное отношение.

В данной статье нами не поставлена цель показать принципиальную невозможность использования теоретического наследия П. Бурдьё в исследованиях (практических и теоретических) по социальному капиталу. Однако важным было обозначить проблемные точки, делающие механическое включение Бурдьё в общий ряд теоретиков социального капитала затруднительным, несмотря на такой соблазн, отчасти обусловленный общностью терминологии. Хочется надеяться, что прояснение этих проблемных точек позволит авторам в будущем избежать затруднений и противоречий в собственных работах.

Литература

1. *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge & Kegan Paul, 1984. 613 p.
2. *Walther M.* Repatriation to France and Germany: A Comparative Study Based on Bourdieu's Theory of Practice. Wiesbaden: Springer Gabler, 2014. 328 p.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
4. *Bourdieu P.* Le capital social // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1980. Vol. 31. No. 1. P. 2–3.
5. *Bourdieu P.* Ökonomisches Kapital, Kulturelles Kapital, Soziales Kapital // In Soziale Ungleichheiten / R. Kreckel (ed.). Goettingen: Otto Schartz & Co, 1983. P. 183–198.
6. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / J. Richardson (ed.). New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
7. *Coleman J. S.* The Creation and Destruction of Social Capital: Implications for the Law // Notre Dame Journal of Ethics & Public Policy. 1987. Vol. 3. No. 3. P. 375–404.
8. *Coleman J. S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. S95–S120.
9. Social Theory for a Changing Society / S. Coleman, P. Bourdieu (eds.). Boulder, Oxford: Westview Press, 1991. 389 p.
10. *Lin N.* Social Capital: A theory of Social Structure and Action Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2001. 281 p.
11. *Portes A.* The two Meanings of Social Capital // Sociological forum. 2000. Vol. 15. No. 1. P. 1–12.
12. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. London: Penguin Books Ltd, 1995. 457 p.
13. *Fukuyama F.* Social Capital (The Tanner Lectures on Human Values). Salt Lake City: University of Utah Press, 1997. 484 p.
14. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 248 p.
15. *Wacquant L. J.* Bourdieu in America: Notes on the Transatlantic Importation of Social Theory // Bourdieu: Critical Perspectives / C. Calhoun, E. LiPuma, M. Postone (eds.). Cambridge: Polity Press, 1993. P. 235–262.
16. *Putnam R. D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2001. 541 p.